

Научная статья

УДК 340.5

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001

Особенности уголовно-правовой политики в странах семьи социалистического права (СССР и КНР): теоретико-исторический анализ

НИКИТА ГЕРМАНОВИЧ ДАШКЕВИЧ

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, dashkevich0801@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы, обусловившие развитие уголовно-правовой политики в государствах семьи социалистического права. На примере СССР и КНР рассматривается социальная обусловленность действия некоторых институтов уголовного права. Подчеркивается закономерная связь уголовно-правовой политики Советского Союза и социалистического Китая в части повышенной охраны от преступных посягательств «завоеваний социализма».

Ключевые слова: социалистическое право; социалистическая правовая система; семья социалистического права; уголовное право социалистических государств; СССР; КНР.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Дашкевич Н. Г. Особенности уголовно-правовой политики в странах семьи социалистического права (СССР и КНР): теоретико-исторический анализ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 9–16. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001.

Original article

Theoretical and Historical Analysis of Criminal Law Policy in Socialist Legal Systems: the USSR and the PRC

NIKITA G. DASHKEVICH

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia,
dashkevich0801@gmail.com

Abstract. The article considers the development of criminal law policy in socialist legal systems. Using the USSR and the PRC as examples, the author explores social determinants of the operation of certain institutions of criminal law. It highlights the consistent connection between the criminal law policies of the Soviet Union and socialist China in terms of enhanced protection against criminal encroachments on the “conquests of socialism”.

Key words : socialist law; socialist legal system; socialist legal family; criminal law of socialist states; USSR; PRC.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Dashkevich N.G. Theoretical and historical analysis of criminal law policy in socialist legal systems: the USSR and the PRC. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 9–16. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001.

XX в. характеризуется появлением на политической карте ряда государств нового типа. Возникновение и развитие социалистической общественно-экономической формации в конкретных странах привели к формированию социалистических правовых систем и семьи социалистического права в целом.

Хорошо известно, что право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, а государство – «машина» по реализации интересов господствующего класса. Формируемая государством правовая политика есть мера легального воздействия на социум. Некоторые авторы замечают, что правовая политика – это механизм, в котором манипуляция сознанием и поведением индивидуальных и коллективных субъектов носит правовой характер, то есть осуществляется на основе существующего права при помощи правовых средств в рамках правовых процедур [1, с. 178].

Думается, что правовая политика государства – это система мер воздействия юридических и иных социальных институтов в целях достижения общественно-государственных (публичных) интересов. Философия коммунистической морали предполагала не просто воплощение общественных интересов, но и политику коллективизма как форму их реализации. Еще Н. А. Бердяев констатировал большую справедливость идей коммунизма, нежели капитализма, поскольку при коммунизме «служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни» [2, с. 151].

Распространение и закрепление коммунистической идеологии выражалось в ее качественной реализации. По этому поводу М. И. Калинин говорил, что есть пропаганда словом, а есть пропаганда делом. Пропаганда и агитация делом более реальны [3]. Хотя Е. Н. Тонков полагает, что строительство нового общества сопровождалось насильственным формированием у населения коммунистического типа правопонимания, созданием параллельных нормативных систем, присвоением отдельными субъектами публичной власти права на утверждение истины и т. д. [4, с. 22].

Таким образом, правовая политика социалистического государства выражается в конкретных правовых формах, в частности в уголовно-правовой. Государство формирует перечень уголовно-правовых запретов, исходя из необходимости борьбы с преступностью [5, с. 13].

Эволюция уголовного законодательства демонстрирует уровень репрессивности государства в различные конкретно-исторические эпохи. С началом утверждения коммунистической власти в России и Китае началась гражданская война. Несмотря на отличие в продолжительности конфликтов, их общность определяется борьбой с противниками нового мироустройства посредством мер революционной законности. По словам Р. А. Ромашова, социалистическая государственно-правовая система, возникнув в результате разрушения «старого мира», вполне естественно относилась к нему сугубо отрицательно [6, с. 71]. После победы коммунистов в СССР и КНР наблюдалась тенденция к росту репрессивности в отношении как побежденных врагов, так и иных идейных оппонентов, хотя, по словам авторов, «бывшие» люди уже не представляли реальной опасности [7, с. 117].

В связи с заявленной темой исследования значима важность сравнительного анализа с целью решения проблем уголовно-правовой безопасности [8, с. 175]. На примере Со-

ветского Союза и Китая можно выделить определенную специфику уголовно-правовой политики:

1. Доминирование революционного / социалистического правосознания.

Фактор революционного правосознания стал новеллой отечественного права в период потрясений 1917 г. Вопрос о революционной сообразности стал «путеводной звездой» для формирования новых стереотипов и моделей правомерного поведения в обществе. Защита идеалов и достижений революции каждым членом общества явилась неотъемлемой частью советского уголовного права. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал важность действия революционного правосознания [9]. Уже в УК РСФСР 1922 г. было сказано, что суды, назначая наказание, должны руководствоваться им при соблюдении нормативных актов.

В этой связи возросла роль политико-правовой доктрины, в рамках которой ученые, политики и практики обосновывали необходимость верного применения норм уголовного права. Председатель Верховного суда РСФСР П. И. Стучка считал: «Мы откровенно заявляем, что... до окончательной победы Пролетарской революции наш суд будет классовым судом... Он также будет средством принуждения меньшинства подчиняться классовой справедливости громадного большинства» [10, с. 63]. Поощрялось применение аналогии закона, велось открытое противостояние с антибольшевистскими силами путем легального поражения в правах, а также шло практическое развитие и теоретическое обоснование принципов революционной законности и революционной справедливости.

После известных событий 1934 г. произошла активизация правотворческой роли НКВД СССР, который стал выразителем общегосударственного гнета в целях поиска врагов советской власти. Общеизвестно, что приказы НКВД за подписью Н. И. Ежова противоречили Конституции 1936 г. Возникает вопрос: почему они тогда применялись? Думается, что смысл приказов отвечал духу советского социалистического права, несмотря на формальное несоответствие Основному закону. Революционное / социалистическое правосознание не отрицало возможности формального нарушения закона в целях восстановления социалистической справедливости. Однако цель не всегда может оправдать применяемые средства.

Аналогичная ситуация была и в Китае. Несмотря на то что там в начальный период гражданской войны не было создано социалистического уголовного законодательства, однако деятельность органов основывалась на революционном правосознании, допускавшем классовое, в том числе и военное насилие. Еще Мао Цзэдун говорил, что каждый коммунист должен усвоить ту истину, что «винтовка рождает власть» [11]. Формальное нарушение норм китайского буржуазного права обосновывалось стремлением достичь социалистическую справедливость в период активной фазы гражданской войны и уже после ее окончания. Техника применения революционного права сопровождалась развитием революционного правосознания, выраженного в деятельности ревкомов, которые руководствовались «лозунгами и цитатами» [12, с. 195].

2. Формализация уголовно-правовых институтов в рамках Realpolitik.

Фундаментальный вопрос о разграничении источника и формы применим и к социалистическому праву. Классическое деление источников на формальные, материальные и идеологические подразумевало под собой существование некоего внешнего выражения – формы права.

Уголовно-правовые институты получили более позднее оформление в нормативных документах ввиду того, что существовала иллюзия об универсальном применении революционного сознания не только в праве, но и в других сферах. Уже в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. говорилось, что пролетариям не нужны буржуазные законы и кодексы, однако в целях экономии своих сил следует упорядочить правила и запреты для борьбы с классовым противником [13]. В 1922 г. в УК РСФСР обозначалось, что он действует в рамках не только защиты государственного строя от общественно опасных элементов,

но и для роста революционного правосознания. Вследствие этого феномен преступности и ее выразителей (субъектов преступления) оценивался как итог капиталистического развития общества [14, с. 55].

Схожая ситуация была в Китае. В 1934 г. принимается первый документ под названием «Положение Китайской Советской Республики о наказании за контрреволюционные преступления» [15], который формализовал деятельность органов по защите интересов революции. Вплоть до 1979 г. в стране не было уголовного кодекса. П. В. Трощинский полагает, что отсутствие единого кодифицированного акта было намеренным шагом китайского законодателя в постреволюционную эпоху [12, с. 193]. В 1950-е гг. был введен ряд нормативных актов (Циркулярный приказ «О строгом запрещении опиума и других наркотиков» 1950 г., Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность 1951 г. и др.), которые еще не представляли собой консолидированного источника, но тем не менее стали формой права для борьбы с нарушителями китайского социалистического уклада жизни.

Позднее оформление и закрепление уголовно-правовых институтов коррелируются с идеей о решающей роли революционного (социалистического) правосознания. Создание писаных предписаний стало необходимостью ввиду унификации правоприменительной практики. Если в Советской России первый уголовный закон появился в 1922 г., то есть спустя пять лет с момента создания социалистического государства, то в Китае – в 1979 г., то есть спустя 30 лет, соответственно, ввиду развитости экономических отношений, реализации классовых интересов и ведения классовой борьбы, а также исходя из особенностей внешнеполитической обстановки.

3. Возобладание карательной функции в уголовном праве в интересах партии и государства.

Наказание является адекватной мерой реагирования на совершение лицом преступления, важны его объем и сущностная составляющая. Институт наказания в СССР и Китае динамично развивался с учетом реальной политико-правовой обстановки в стране.

Применительно к Советской России после революции существовала идеалистическая концепция того, что наказание – это всего лишь мера защиты революции и не более того, как было заявлено в Руководящих началах 1919 г. В целях защиты интересов и завоеваний революции органы государственной и партийной власти стремились обезопасить социалистические отношения от всякого рода посягательств посредством показательного правосудия и изобличения идейно-политических противников. В продолжение этой концепции в УК РСФСР 1922 г. слово «наказание» начало сочетаться со словосочетанием «меры социальной защиты». Однако развитие социально-экономических отношений показало иной взгляд на сущность наказания – кара, исправление и профилактика.

Волна открытых судебных процессов началась в СССР с первой половины 1920-х гг. в отношении «вредителей» и «контрреволюционеров». В тот же период развернулась репрессивная кампания по поиску иных антисоветских и антипартийных элементов. В 1930-е гг. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1932 об охране социалистической собственности вводилась строгая ответственность за ее хищение [16]. Карательная функция наказания возымела свое действие. «Драконовские меры» стали ответной реакцией на массовую преступность в сфере хищения общественной собственности, о чем указывал И. В. Сталин [17].

Несмотря на провозглашение «победы социализма» в СССР в 1936 г., трудности классового характера сохранялись. Пиком политических репрессий стали 1937–1938 гг., в это же время проводятся «московские процессы». По архивным данным и оценкам исследователей, с 1921 по 1953 г. политическим репрессиям подверглись порядка четырех миллионов человек, из которых 800 тысяч было приговорено к высшей мере наказания [18].

Нельзя отрицать факт существования антикоммунистических сил в Китае и Советском Союзе, которые стремились захватить власть. Наличие оппозиции является естественным

«политическим законом», однако оппозиционность взглядов могла бы перерасти в контрреволюцию, чего так сильно опасались власти. Шпиономания, заведомо ложные доносы, ускоренное производство по уголовным делам были следствием форсированной борьбы с антисоветскими элементами. Всплеск политических репрессий среди общества подтверждается статистикой. По ее данным, соотношение приговоренных к расстрелу и осужденных по политическим мотивам было следующим: в 1937 г. было осуждено 790 665 чел., из них приговорено к высшей мере – 353 074 чел.; в 1938 г. – 554 258 чел. осуждено и 328 618 приговорено к расстрелу [18, с. 81].

Говоря о китайской политико-правовой традиции, исследователи указывают, что институты частного права уступали публично-правовым началам, ввиду чего закон связан с жестокостью и порождает страх перед собой [19, с. 117]. В период 1960–1970-х гг. Мао Цзэ-дун проводил политику «культурной революции», была осуждена «бандой четырех» и пр. Масштабы трагедии пока трудно оценить. Уже в XXI в., по сообщению официального органа ЦК КПК – газеты «Жэньминь жибао», политика «культурной революции» была абсолютно неверной в своей теории и практике [20].

Вопрос о суровости наказания как характеристика институтов уголовного права КНР является достаточно актуальным и по сей день. Исследователи полагают, что УК КНР 1979 г. не просто воспринял нормы уголовного права социалистических государств, но в дополнение к нему принимались иные акты, отдельно регламентировавшие уголовную ответственность за преступления против государства и в сфере экономики [21, с. 8].

Однако общность репрессивной политики состоит в диалектике власти: тот, кто вчера был твоим союзником, сегодня может стать твоим врагом. Инструментальный характер права как средства достижения цели имел разные вариации своего выражения, ярким примером которого являются показательные чистки в отношении бывших соратников и уголовно-правовые последствия для определенной части населения, обусловленные «перегибами на местах». В последующем массовые нарушения социалистической законности были признаны преступными и виновные понесли наказание.

4. Слияние уголовных и административных правовых институтов.

Развитие революционного и социалистического правосознания среди должностных лиц и представителей партии и государства было следствием сдвигов в массовом и в общественном сознании населения страны. Для населения характерным стало понимание права как публичного инструмента воздействия со стороны государства для защиты классовых интересов. По мнению исследователей, нравственный уровень граждан зависит от уровня проникновения уголовного права в общественную жизнь [22, с. 148].

Публично-правовой механизм регулирования отношений определил тесную взаимосвязь уголовного и административного права в социалистических государствах. Так, показательным примером является деятельность административных органов, которые вершили правосудие в 1930-е гг. Выше говорилось, что революционное правосознание предreshает вопрос о пользовании формальными источниками права, в контексте марксистско-ленинской философии важно достижение результата наиболее «оптимальными» способами, даже если они юридически некорректны. Деятельность «троек» стала показательным примером смешения административного и уголовного права, когда вынесенное решение сразу приводилось в исполнение без права обжалования. Также примечателен административно-правовой институт лимитов на репрессии, который устанавливался по запросу партийно-государственной власти на местах в целях квотирования борьбы с преступными элементами в регионе.

Еще одним примером служит наделение правовым статусом «член семьи изменника Родины», который был введен Постановлением ГКО в 1942 г. [23]. В случае признания лица виновным его семья подлежала аресту и высылке в отдаленные местности СССР. Применительно к КНР можно привести пример с хунвейбинами – сторонниками «Вели-

кого кормчего» из среды молодежи, которым был дан карт-бланш на борьбу с оппозицией Мао.

В дальнейшем в уголовно-правовой политике СССР и Китая продолжила свое действие схожесть механизма правового регулирования. В Советском Союзе были приняты Основы уголовного законодательства 1958 г. [24] и УК союзных республик, а в Китае – Уголовный кодекс КНР 1979 г. [25]. Рост социально-экономического благополучия при достижении определенных результатов в борьбе с идеологическими противниками привел к снижению репрессивности уголовно-правовых институтов.

После распада Советского Союза наметились схожие тенденции уголовного права России и КНР в сфере демократизации и гуманизации правовых институтов. Введенные российский уголовный закон 1996 г. и китайский 1997 г. признали важность соблюдения принципов законности, справедливости, гуманизма, своевременности и целесообразности [14, с. 43], неотвратимости и индивидуализации наказания, а также недопущения обратной силы закона и руководства аналогией закона. Хотя, по словам исследователей, последний УК Китая нуждается в дальнейшем совершенствовании [26, с. 227].

Подводя итоги, можно сказать, что в основе политики СССР и Китая лежала необходимость охраны социалистического государства от возможных контрреволюционных настроений, охраны экономического базиса (социалистической собственности) и формирования мировоззрения человека «новой формации». Любое государство, в том числе и социалистическое, в части деятельности органов правопорядка стремится обеспечить нормальное функционирование общества, пресечение и предупреждение совершения преступлений, а также справедливую кару в отношении правонарушителей. Ключевым является адекватное понимание самой справедливости как эквивалента морали и права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правогенез: традиция, воля, закон / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2021. 481 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 158 с.
3. Калинин М. И. Несколько слов о пропаганде и агитации // Московский большевик. 1944. 26 янв. № 21 (1495).
4. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. СПб., 2024. 454 с.
5. Основы уголовного права : учеб. пособие / А. Г. Антонов, С. Н. Бычков, С. А. Денисов [и др.]. СПб., 2022. 116 с.
6. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4 (78). С. 64–81.
7. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.
8. Дамаскин О. В., Холиков И. В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 3. С. 156–180.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. URL: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-45/190/> (дата обращения: 28.06.2026).
10. Стучка П. И. Двенадцать лет революции государства и права // Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. СПб., 2002. 385 с.
11. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. 388 с.
12. Трошинский П. В. Правовая система Китая. М., 2016. 472 с.
13. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 28.06.2026).
14. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрьма как «Град земной». СПб., 2014. 656 с.
15. Трошинский П. В. Законодательство Китая в сфере борьбы со шпионажем и государственной изменой: историко-правовой аспект // Национальная безопасность. 2016. № 3 (44). С. 347–357.
16. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности : постановление ЦИК и СНК СССР от

- 07.08.1932. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6541#p9cEcCVGgSURkVK71> (дата обращения: 28.05.2026).
17. Пыхалов И. В. «Закон о пяти колосках» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 100–104.
18. Земсков В. Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3-1. С. 79–88.
19. Козлихин И. Ю. Очерки сравнительного правоведения : учеб. пособие для вузов. СПб., 2020. 204 с.
20. Заявление «Жэньминь жибао». URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573b26509a7947635b947bc5> (дата обращения: 28.06.2026).
21. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А. И. Коробеева и проф. А. И. Чучаева ; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. М., 2017. 256 с.
22. Пан Дунмэй, Чжао Бинчжи, Васильев И. А. Проблемы криминализации деяний в уголовном праве Китая // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 142–151.
23. О членах семей изменников Родине : постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40608#rc4jpNVUL8D6cDC5> (дата обращения: 28.06.2026).
24. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=G3l7pw&base=ESU&n=1717&dst=100010&field=134#Yz4kpNVUttmanvBu> (дата обращения: 28.06.2026).
25. Уголовный кодекс КНР 1997 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=403> (дата обращения: 28.06.2026).
26. Пан Дунмэй, Гао Минсюань. Становление и развитие китайского уголовного законодательства // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2018. № 2. С. 215–229.

REFERENCES

1. *Pravogenez: traditsiya, volya, zakon* [Legal genesis: tradition, will, law]. Ed. by Romashov R.A. Saint Petersburg, 2021. 481 p.
2. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Paris, 1955. 158 p.
3. Kalinin M.I. Few Words about Propaganda and Agitation. *Moskovskii bol'shevik = Moskovsky Bolshevik*, 1944, January 26, no. 21 (1,495). (In Russ.).
4. Tonkov E.N. *Rossiiskii pravovoi realism* [Russian legal realism]. Saint Petersburg, 2024. 454 p.
5. Antonov A.G., Bychkov S.N., Denisov S.A. et al. *Osnovy ugovornogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of criminal law: textbook]. Saint Petersburg, 2022. 116 p.
6. Romashov R.A. State-legal systems of a transitional type (on the example of the transformation of the Russian Empire into a Federal Soviet Socialist Republic. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2024, no. 4 (78), pp. 64–81. (In Russ.).
7. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political Justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
8. Damaskin O.V., Kholikov I.V. The current state and development of the criminal law of the People's Republic of China. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 156–180. (In Russ.).
9. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Available at: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-45/190/> (accessed June 28, 2026).
10. Stuchka P.I. Twelve years of revolution in state and law. In: Stuchka P.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR], 2002. 385 p.
11. Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya. T. 2* [Selected works. Vol. 2]. Moscow, 1953. 388 p.
12. Troshchinskii P.V. *Pravovaya sistema Kitaya* [Legal system of China]. Moscow, 2016. 472 p.
13. *Rukovodyashchie nachala po ugovornomu pravu RSFSR 1919 g.* [Guidelines on criminal law of the RSFSR, 1919]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (accessed June 28, 2026).
14. Romashov R.A., Tonkov E.N. *Tyur'ma kak "Grad zemnoi"* [Prison as a "City on Earth"]. Saint Petersburg, 2014. 656 p.

15. Troshchinskii P.V. Chinese legislation in the field of combating espionage and treason: a historical and legal perspective. *Natsional'naya bezopasnost'* = *National Security*, 2016, no. 3 (44), pp. 347–357. (In Russ.).
16. *Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatii, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoi (sotsialisticheskoi) sobstvennosti: postanovlenie TSIK i SNK SSSR ot 07.08.1932* [On the protection of property of state enterprises, collective farms and cooperatives and the strengthening of public (socialist) property: resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of August 7, 1932]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6541#p9cEcCVGgSURkVK71> (accessed May 28, 2026).
17. Pykhalov I.V. "The law on five spikelets". *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) = Society. Wednesday. Development*, 2011, no. 4, pp. 100–104. (In Russ.).
18. Zemskov V.N. Extends of political repressions in the USSR: against the speculative and mythological constructions. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 3–1, pp. 79–88. (In Russ.).
19. Kozlikhin I.Yu. *Ocherki sravnitel'nogo pravovedeniya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Essays on comparative law: stud guide for universities]. Saint Petersburg, 2020. 204 p.
20. *Zayavlenie "Zhehn'min' zhibao"*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573b26509a7947635b947bc5> (accessed June 28, 2026).
21. *Ugolovnyi kodeks Kitaya* [The Criminal Code of China]. Ed. by Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Moscow, 2017. 256 p.
22. Pan Dongmei, Zhao Bingzhi, Vasil'ev I.A. Problems of criminalization of acts in Chinese criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminology Journal*, 2019, no. 1, pp. 142–151. (In Russ.).
23. *Postanovlenie GKO SSSR ot 24.06.1942 No. GOKO-1926ss "O chlenakh semei izmennikov Rodine"* [Resolution of the State Defense Committee of the USSR of June 24, 1942, No. GOKO-1926ss "On Members of the families of traitors to the Motherland"]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40608#rc4jpNVUL8D6cDC5> (accessed June 28, 2026).
24. *Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik: zakon SSSR ot 25.12.1958 (red. ot 08.04.1989)* [On the approval of the fundamentals of criminal legislation of the USSR and the Union Republics: USSR Law of December 25, 1958 (as amended on April 8, 1989)]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=G3l7pw&base=ESU&n=1717&dst=100010&field=134#Yz4kpNVUttmaNvBu> (accessed June 28, 2026).
25. *Ugolovnyi kodeks KNR 1997 g.* [Criminal Code of the People's Republic of China of 1997]. Available at: <https://constitutions.ru/?p=403> (accessed June 28, 2026).
26. Pan Dongmei, Gao Mingxuan. The formation and development of Chinese criminal law. *Vestnik SPbGU. Ser. 14. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, no. 2, pp. 215–229. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА ГЕРМАНОВИЧ ДАШКЕВИЧ – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, dashkevich0801@gmail.com

NIKITA G. DASHKEVICH – postgraduate student at the Department of the Theory and History of the State and Law of the Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, dashkevich0801@gmail.com

Статья поступила 09.03.2026